

Н.М. Шахназарян (Минск, БГУ)

**ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ В ОСВЕЩЕНИИ
АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ
ПО ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX–XXI ВЕКОВ
(ТВОРЧЕСТВО Р. САУТИ)**

Концепция учебных пособий по гуманитарным дисциплинам, в частности, по зарубежной литературе, связана с факторами как объективно-научного (степень изученности фактического материала), но и тенденциозно-идеологического (ангажированность) характера. Второй фактор часто приводит к искажению научного анализа закономерностей литературного процесса, преодолеть которое оказывается возможным только благодаря непредвзятому историко-литературному подходу к изучению творческого наследия автора.

Наиболее продуктивные и грамотные учебные пособия создаются исследователями творчества писателей, о которых пишут, преподавателями, работающими с оригинальными первоисточниками. Такой подход способствует развитию, расширению, обогащению учебного материала со стороны новизны концепций, персоналий, текстов. Просто квалифицированные компиляторы материалов из уже существующих учебников, напротив, механически повторяют чужие, подчас ошибочные факты и тенденциозные оценки. В качестве примера неувядаемого по своей безупречной научной точности, полноте материала, глубине социально-исторического и философско-эстетического контекста в освещении литературы можно привести учебник М.П. Алексева «Средневековая литература Англии и Шотландии», переиздаваемый до сих пор. В то же время «История английской литературы» авторитетного советского шекспироведа А.А. Аникста (1956) по всей вероятности, в силу названных причин останется в прошлом.

Необходимо различать такие жанры учебных пособий, как «курсы лекций», «учебно-методические пособия», «комментированные антологии» и фундаментальные типовые учебники, с научной точностью, составом персоналий, концепцией и логикой раскрытия закономерностей литературного процесса которых должны быть связаны типовые программы дисциплины, имеющие универсальный характер влияния на образовательный стандарт. История литературы – научное исследование – учебник – типовая программа – образовательный стандарт: именно такова последовательность звеньев в развитии специальности «литературоведение», а не наоборот.

«Жертвами» тенденциозного подхода в разное время становились определенные авторы и целые направления в зарубежной литературе. Некоторые из них спустя время были реабилитированы и даже возведены в степень культовых явлений. Однако некоторые авторы так и остались с прежними этикетками, несправедливо обойденными вниманием авторов учебников.

Одними из таких авторов являлись в течение долгого времени т. н. «поэты-озерники» (У. Вордсворт, С.Т. Колридж, Р. Саути), которых долгое время в советских учебниках называли «реакционными» романтиками в противоположность романтикам «революционным» (Д.Г. Байрон, П.Б. Шелли). С 1980–1990-х годов XX века поэзия Вордсворта и Колриджа начала находить должное внимание в диссертациях, отдельных главах новых учебных пособий, однако Саути по-прежнему был изолирован по тем же идеологическим причинам (как официальный поэт-лауреат Британской империи, автор оскорбительного пасквиля на Байрона и Шелли, отдельной главы в учебнике он не заслуживал). Исключение составляют труды петербургских литературоведов: диссертация об эпистолярном наследии Саути А. Роговой [1], полноценная глава в учебнике «История зарубежной литературы XIX века. Англия» под ред. Л.В. Сидорченко и И.И. Буровой (2004) [2].

Роберт Саути (Robert Southy, 1774–1843) сыграл заметную роль в истории английской литературы первой половины XIX века как поэт, историк, литературный критик, общественный деятель. Литературная активность Саути феноменальна: собрание всех его сочинений насчитывало 109 томов.

Колридж в III-й главе «Литературной биографии» (1817) уточняет нелепые обстоятельства возникновения понятия «озерная школа», связанные с основателем журнала «Эдинбургское обозрение» Френсисом Джеффри (1773–1850), назвавшим Вордсворта, Колриджа и Саути «школой хныкающих ипохондриков, которая нашла себе приют на Озерах» [3]. В поэзии Саути Колридж находит «насыщенность чувств, глубину наблюдений, непреходящий блеск, неизменное благородство языка и ритма», «полет воображения» и глубину мысли. «Ему нет равного ни в области изучения истории, ни в области знания библиографии», ни в эссеистике, сочетающей оригинальность мысли и ясный стиль – «классический и живой, правду и фантазию, остроумие и мудрость, образованность и жизнелюбие» [3]. Находя в Саути образец высоких нравственных качеств литератора и человека, Колридж отмечает широту жанрового диапазона его поэзии: политическая песня, баллада, пасторальная идиллия, лирическая поэма, историческая поэма и др., стилевые новации, новизну технических приемов в области языка и ритма, композиции, единства целого и части.

В 1804 г. Саути поселился в Кемберленде, где оставался до конца своей жизни. Из скептика и республиканца он превращается в ортодоксально верующего христианина и верного сторонника английской церкви и государства, что находит отражение в многочисленных публикациях на страницах «Квотерли Ревью» (Quarterly Review). В 1813 г. он получает звание поэта-лауреата, а в 1835 г. ежегодную пенсию от правительства. Последние 4 года жизни поэта были омрачены тяжелым умственным заболеванием. Возможно, таким образом сказался невероятно интенсивный и напряженный труд Саути на протяжении нескольких десятилетий.

В большей мере на современников Саути оказал влияние как мастер жанра литературной баллады (их переводил В. А. Жуковский: «готические» баллады «Варвик», «Ательстан»), а также исторической поэмы (фрагмент поэмы «Мэдок» (1799) перевел А.С. Пушкин). Его перу принадлежат поэмы «Жанна д'Арк» (1793), «Уот Тайлер» (1794), «Падение Робеспьера» (1795), «Талаба-разрушитель» (1801), «Мэдок» (1799), «Родерик, последний из готов: трагическая поэма» (1809–1814), «Проклятие Кехамы» (1810), «Видение Суда» (1821) и большое количество лирических стихотворений, разнообразных по тематике, жанровой форме и языку.

Поэма «Талаба-разрушитель» относится к числу несомненных вершин поэтического искусства Саути. Яркий язык, красочные метафоры и сравнения, выразительный мелодический и ритмический рисунок строф, изобилие невероятных приключений в духе арабских сказок из «Тысячи и одной ночи», возвышенный интонационный строй поэмы оставляют сильное впечатление и отражают истинно романтический характер поэтической фантазии. Поэма из 12 книг написана нерифмованным разностопным стихом, свобода и разнообразие которого, по мнению автора, наиболее соответствуют рассказанной истории. Ее отличает глубина философско-религиозной проблематики (основание монотеистического ислама на смену языческому зороастризму), синтетическая жанровая природа лирико-драматического эпического повествования. В первой книге Саути создает трагический образ матери Талабы – Зейнаб, на глазах которой (параллель с образом троянской царицы Гекубы из «Гамлета» Шекспира) убиты ее дети и супруг Годейра. Маленький Талаба произносит бунтарские речи, несущие в себе зерно сомнения во всеблагой воле Создателя, позволившего произойти убийству невинных людей. В финале первой книги в ответ на просьбу Талабы уйти вслед за родными в мир иной ангел смерти Азраэль отвечает отказом, объясняя высокое предназначение его земной жизни. Герой отправляется в предначертанный путь. Интересен его философский диалог с мудрецом Лобабой о сущности вещей. Согласно дуализму зороастризма сущее имеет двойственную природу, ведущую как к добру, так и злу (в качестве примера Лобаба приводит созидательное и разрушительное применение огня), и потому нравственная природа в вещах как таковых отсутствует («Ничто не является добром или злом, / Все зависит от способа применения» // *That nothing is good or evil, / But only in its use*). Талаба же верит, что все достоинства человека имеют божественное происхождение, исконное и незыблемое. В пятой книге герой попадает в Багдад – «город своих исканий», в котором узнает, что талисманом является вера, а не предмет поклонения (The Talisman is Faith). Глава предваряется эпитафией о «прекрасном рае, полном ароматных цветов» из поэмы Э. Спенсера «Руины времени». В седьмой главе вместе с Онейзой, будущей супругой, он попадает к своему врагу – Алодину. На смену разрушенному Талабой греховному раю Алодина приходит светлое царство истинного рая – мира добра и справедливости. Талабу славят как героя, венчают диадемой, золотой цепью и возводят на королевский престол. Торжественной картиной свадьбы завершается триумф героя. Но финальные строчки кульминационной седьмой книги поэмы предвещают беду: является Азраэль – ангел смерти. Онейза погибает, горе Талабы беспредельно, и утешение он находит в помощи людям, нуждающимся в его защите. В финале, исполнив свое предназначение, Талаба вступает во врата небесного рая, где его приветствует прекрасная Онейза.

Одной из своих лучших поэм сам Саути считал «Мэдока», главного героя которой надеялся видеть в одном ряду с Ринальдо из «Освобожденного Иерусалима» Тассо. Целью Саути была не претензия на оригинальность или выполнение некоего авторского каприза, а желание классической цельности, восходящей к истоку европейской эпической традиции – античным поэмам Гомера. Во вступлении к поэме Саути определяет свои поэтические принципы в духе кельтской триады: «Три вещи следует избегать в поэзии: фривольности, ограниченности и напыщенности. Три вещи превосходны в поэзии: простота языка, ясность предмета, прозрачность намерения. Три чистейших качества поэзии: подлинная правда, чистый язык, ясная манера. Три вещи необходимы поэзии: эрудиция, одухотворенность, естественность». «Мэдок» написан белым стихом. Поэма имела успех, что отражает ее скорое издание в Америке, с которой связан курьезный случай. Некий автор, сочинил в 1815 г. памфлет на Саути с обвинением в «попытке принизить честь Америки и репутацию Колумба», предлагая образ некоего уэльского принца Мэдока как первооткрывателя «Нового Мира». Поэме Саути посвятила в 1807 г. свое стихотворение «Написанное по прочтении белых стихов поэмы «Мэдок» замечательная поэтесса из Личфилда Энн Сьюард, которое связало их тесной дружбой на протяжении всей жизни. Саути отличался талантом верной и преданной дружбы, отраженной в его эпистолярном наследии. Так, поэма «Родерик, последний из

готов: трагическая поэма» посвящена Чарльзу Бедфорду в память о долгой и преданной дружбе. Эпиграф к поэме взят из Вордсворта: «Подобно Луне, восходящей в закатных лучах Солнца... восходит сила в чистой душе человека; так и Справедливость набирает мощь и прославляет себя: так зажигается спокойный, прекрасный и молчаливый пламень...». Поэма Саути была названа в «Эдинбургском Ревью» «блестящей эпической поэмой века». Сюжет поэмы связан с историей вестготов за несколько лет до их падения. Рифмованный разностопный стих в поэме наполнен экзотической напряженностью античных хором и страстных монологов трагических героев Софокла.

Объясняя сюжетную основу своих поэм, Саути в предисловии к изданию собственных писем к Чарльзу Батлеру, указывает на тот факт, что еще в школьные годы намеревался представить наиболее примечательные виды мифологии, какие когда-либо существовали в истории человечества, в качестве основы для повествовательных поэм («narrative poem»). В поэме «Галаба-разрушитель» присутствует колорит арабских сказок, излучающий не только «моральный свет Корана» эпохи пророка Мухаммеда, но и «дух восточного деспотизма». «Мэдок» представляет силу «самой замечательной религии Нового Света» – христианства, тогда как в поэме «Восстание Кехамы» Саути решил отразить мифы индийской религиозно-философской системы, при этом избегая «восточного стиля» в языке, обратившись к классикам античной и европейской эпической поэмы. Саути считал индуизм «наиболее фальшивой религией», наполненной «страшными» сюжетами и «фатальными» исходами, однако отмечал в ней поразительную особенность – независимость ценности веры от качества личности, ее представляющей. В результате, «наихудшие люди, руководимые наихудшими желаниями, обладают возможностью воспользоваться силой, которая делает их сопричастными самим Высшим богам». Саути не находил ничего поэтического или хотя бы живописного в персонажах брахмианской мифологии. Значение многоруких и многоголовых фигур, по его мнению, имеет буквальный характер: персонификация всевластия или всеведения.

Среди экзотических стран, к которым Саути постоянно проявлял интерес, прекрасно ориентируясь в истории, нравах и культурных традициях народа, были испано-язычные колонии в Южной Америке, а также сама Португалия (лиро-эпическая поэма «Сказание о Парагвае», 1825).

Лирическое наследие Саути отличается разнообразием тематики и жанровых форм (эклоги, эпистолы, надписи (эпитафии), посвящения, гимны, оды, сонеты, экспромты).

В цикл лирических стихотворений Саути поместил посвящения на разные темы: от исторической до морально-нравственной. Одним из первых среди английских поэтов он посвящает значительное количество произведений судьбам американских индейцев. «Песни об американских индейцах» (1799) предвосхищают знаменитый цикл об индейцах («Песнь о Гайавате») американского поэта Генри Лонгфелло.

Фрагменты размышлений по разным поводам, будь то взволновавшее событие из современной истории или произведения искусства, Саути объединил в цикл под названием «Случайные заметки» (Occasional Pieces, 1795–1828). Характерный для романтиков мотив воспоминаний, приобретающих силу реальности, в центре стихотворения «Ретроспектива» (The retrospective, 1794). Свои поэтические принципы поэт сформулировал в «Гимне Пенатам» (Hymn to the Penates, 1796), подражая «Посланию Пенатам» Горация.

Девять «английских эклог» (1799–1803) не имели аналога в английской поэзии, поскольку жанр эклоги в большей мере был распространен в Германии. Их нельзя считать имитациями, поскольку Саути не только не владел немецким языком, но и не был знаком с переводами немецких образцов на английский язык. Кроме того, для Саути немислима имитация имен и сюжетов в принципе, поскольку это, по его мнению, обращает жанр эклоги в жанр бурлеска. Эклоги Саути имеют диалоговую структуру по образцу античного канона. Однако в отличие от него, местом действия является не идиллический природный ландшафт, а готический замок, руины старинного дома в духе готического романтического топоса. Героями соответственно являются исключительные, загадочные фигуры: странник и старик в «Старом доме» (The Old Mansion-House), странник и горожанин в «Похоронах олдермена» (The Alderman's Funeral), женщина и путешественник в эклогах «Мать моряка» (The Sailor's Mother) и «Венчание» (The Wedding).

В шуточной инсталляции об Оксфорде (1793), с которым связана студенческая пора поэта, Саути удается установить равновесие между атмосферой смешного и серьезного. Он продолжает традиции сентименталистов и, в частности, Т. Грея, но с другой стороны иронизирует над штампами сентименталистской образности (например, «Он поет как жаворонок, просыпаясь на рассвете, / А с наступлением вечера заливается соловьем («соловьезирует»)» // *He sings like a lark when at morn he arises, / And when evening comes he nightingalizes*).

Саути отзывался на актуальные события современности, коллизии общественной действительности, имеющие историческое значение, размышляя о смысле земного бытия, о достоинствах и пороках человека, о незыблемых нравственных ценностях. Задачи посвящений (inscriptions) обозначены в эпиграфе, исполненном в манере валлийских триад: «Три универсальных качества в Поэзии: стремление к благородству и добру, память о значительных явлениях и увековечивание переживаний». В первом же посвящении (1796) Саути размышляет о патриотизме как о созидательной основе народа и призывает помнить

своих героев, положивших жизнь во славу родины («Путник! / ... / Помни наших прославленных соотечественников, / И гони от себя недобрые и недостойные думы» // *Traveller! / ... / Remember these, our famous countrymen / And quell all angry and injurious thoughts*). Посвящения Саути полны характерных для романтиков мотивов и философских размышлений. Тема разлада между человеком и природой, бездушием города и поэтической одухотворенностью сельской местности звучит в «Пещере, возвышающейся над рекой Авон» (*For a Cavern That Overlooks the River Avon, 1796*). Приглашая войти в пещеру, поэт предлагает войти в мир возвышенных чувств и поэтических устремлений («Музы любят / Это место; верь Поэту, который ощущает их присутствие здесь. / ... / Здесь можно почувствовать / Как хороша, как добра Природа!» // *The Muses love / This spot; believe a Poet who hath felt / Their visitation here. / ... Here thou may'st feel / How good, how lovely, Nature*).

Христианский мотив единой жизни человеческого духа, держащего ответ перед создателем, являющем себя в мягком дуновении ветра (библейская аллюзия), и созидающего свою будущность за краем земного бытия, пронизывает стихотворение (*For a Tablet at Silbury-Hill, 1796*): «Иди, Странник, и помни, алтарь твоих земных доблестных дел / Незримо, неслышно, незаметно для человечества / Оживет в вечной летописи Небес» // *Go, Traveller, and remember when the pomp / Of earthly Glory fades, that one good deed, / Unseen, unheard, unnoted by mankind, / Lives in the eternal register of Heaven*.

Оды Саути по своей поэтической форме и композиции имеют значительные черты сходства с новаторскими открытиями в искусстве романтической оды у Колриджа. Так, «Триумфальная песнь» (*Carmen Triumphale*) Саути состоит из 18 строф с различным количеством (от 11 до 23) разностопных строк (от 6 до 12 слогов) и звучит как могучая симфония, напоминающая оды Колриджа «Франция», «Ода уходящему году». Саути посвящает свою оду осмыслению и прославлению 1814 г. как конца тиранической эпохи Наполеона, свергнутого героическими усилиями русского народа и антинаполеоновской коалицией европейских стран. Ода насыщена восторженными восклицаниями во славу Бога, Человечества и Англии, наиболее решительно с самого начала прихода Наполеона к власти еще в роли консула, на протяжении почти двадцати лет, оказывавшая ему сопротивление.

Тема русского героизма в годы Отечественной войны 1812 года – особая тема в поэзии Саути, создавшего посредством поэтического слова настоящую галерею прославленных генералов. Так, в 1813 г. появляется сатирическая песня «Марш на Москву» (*The March to Moscow*), в которой Саути остроумно и насмешливо противопоставляет контрастные состояния французской армии в начале («летняя экскурсия в Москву» «четыре тысяч мужчин») и в конце нашествия на Москву, разбитого об отвагу и храбрость русских воинов («Слишком холодно было ему на дороге, / Слишком жарко в Москве»). Саути создает оригинально подбирает английский глагольный аналог к корню каждой фамилии героев.

And Platoff he play'd them off,
And Shouvaloff he shovell'd them off,
And Markoff he mark'd them off,
And Krosnoff he cross'd them off,
And Tuchkoff he touch'd them off...

Обличительные обращения к Наполеону звучат и в «Оде, написанной во время торговли с Буонапартом в январе 1814» (*Ode, written during the negotiations with Buonaparte, in January, 1814*). Завершение данной темы можно найти в поэме «Паломничество поэта в Ватерлоо» (*The Poet's Pilgrimage to Waterloo*). Во введении к поэме (прогем), объясняя задачу и композицию своего произведения, Саути подчеркивает свою приверженность принципам «естественной религии и нравственного закона» христианского философа, для которого конец империи Наполеона означает «крах материалистической философии – направляющей силы французских политиков – от Мирабо до Буонапарта». Саути избирает шестистрочную рифмованную строфу (авасс), характерную для мелодического стиха Э. Спенсера, имя которого Саути упоминает во введении, подчеркивая свое стремление к образцовому искусству своего любимого поэта: «Освободи мой дух, как горный ветер, / Что творит симфонию в сей одинокий час. / Не цветистую песнь триумфа вознеси, / Но воспой в бесценных строках славу моей страны».

Будучи официальным поэтом Англии Саути продолжает оставаться врагом тирании и деспотизма, сохраняет верность идеалам справедливости и человечности, призывая английское правительство обратиться к разуму властей по отношению к Америке, провозгласившей независимость от британской метрополии. Саути проявляет поразительный провидческий дар, убеждая власти в сохранении несокрушимого единства всех колоний «королевы морей» Англии благодаря английскому языку, тогда как со временем они непременно обретут независимость по причине исторической обреченности всех империй. Во время подготовки в 1814 г. отправки к берегам Северной Америки британских кораблей, Саути взывает к разуму властей: «Королева Морей! Обуздай себя; / ... / Ведь, пройдя сквозь года, / Несмотря на то, что пронесутся столетия и тысячелетия / ... / Твой язык и твой дух не утратят себя» // *Queen of the Seas!*

Enlarge thyself / ... / For in the years to come, / Though centuries or milleniums intervene, / ... / Thy language, and thy spirit shall be found.

В то же время Саути исключал возможность выявления существенных пороков в политике, экономике или культурном развитии современной Англии, обращая к официальным властям очевидные панегирики. К числу несомненно одиозных произведений подобного толка относится пресловутая поэма «Видение Суда» (*A Vision of Judgement*), посвященная его высочеству королю Великобритании с хвалебной оценкой «георгианского века» как вершины в развитии славной истории государства. В каждой из озаглавленных частей аллегорической поэмы-панегирика предстает ансамблевый портрет великих мужей Англии в исторической перспективе от периода основания королевства до современности. Присутствие библейских и античных аллюзий в представленных картинах напоминает знаменитые фрески делла Сеньятуры Рафаэля со сценами Афинской школы философов, пантеона великих поэтов, в центре которых располагается Апполон, а по обе стороны от него Данте Алигьери и Анжело Полициано, разделенные в реальном времени двумя столетиями. Так, в восьмой строфе «Государи» (*Sovereigns*) назван король Альфред, а в 9 строфе «Патриархи славы» (*The Elder Worthies*) «отец» национальной литературы Джеффри Чосер – в одном ряду с Ньютоном и Беркли. Современники поэта перечислены в 10 строфе (*The Worthies of the Georgian Age*). Отворяются врата небесной славы и взору поэта являются выдающиеся художники, поэты, философы, политики. Это Джошуа Рейнольдс – «с которого берет начало школа искусств, равная по блеску итальянцам» (*Reynolds, with whom began that school of art which has equal'd / Richest Italy's work...*), Хогарт, Эдмунд Берк, Уильям Каупер, адмирал Нельсон, обретший «королевство мира» (*Kingdom of peace*), несмотря на свое участие в войнах. Поэтическим достоинством поэмы, привлекшее внимание литературных критиков, является оригинальное освоение античного гекзаметра, предложенное Саути. В предисловии к поэме Саути объясняет свою концепцию английского гекзаметра, исходя из принципа согласования формы и содержания поэтического произведения, а также особенностей английского языка. Он предлагает «имитацию античного гекзаметра» с небольшими отступлениями: из 6 стоп каждой строки последовательность последних двух неизменная – сначала дактиль, а затем трохей, в первых же 4-х возможна свободная последовательность дактилических и трохеических стоп на вкус автора. Дактилю идеально соответствует фамилия Веллингтона: первый слог долгий, второй и третий – краткие (*Wellington*). А трохею соответствует фамилия Нельсон (первый слог – долгий, второй – краткий). Поскольку для английского языка многосложные слова не столь характерны, как для немецкого, то затруднительно применять постоянную цезуру без потери плавности стиха. Саути не считает, что гекзаметр лучше наиболее органичного для английской эпической и драматургической традиции белого стиха (10-сложного ямбического или разноstopного от 13-ти до 17-ти слогов), которому он отдал дань в своих поэмах, но видит в подобном эксперименте способ обогащения языка английской поэзии, тем более, что он подкреплен именами Ф. Сидни и О. Голдсмита.

Поэма явилась поводом для справедливых резких обвинений Байрона на страницах романа «Дон Жуан» в адрес Саути. Действительно, не называя имен Байрона и Шелли, Саути в предисловии к «Видению Суда» имел в виду именно их, когда недопустимо уничижительно говорил о т. н. «сатанинской школе» в современной английской поэзии. Позволив себе откровенно назидательный, ригористический тон речи, почти язык инвективы (изобилие таких слов, как «стыдно», «нельзя», «не должно быть»), Саути осуждает культ воображаемых болезненных страстей, гордыни и амбиций поэтов названной школы, видя в них «угрозу моральному состоянию общества», «источник морального и политического зла» и «яд для литературы». Моралист в данном случае затмил поэта.

Многое в творчестве Саути было обусловлено служебными обязанностями официального поэта страны. Среди почетных героев поэтических адресов Саути (*Carmina Aulica*, 1814) наряду с другими правителями стран-победительниц Наполеона – русский царь Александр I («Ода его императорскому величеству Александру Первому, императору всея Руси»). Саути восхищается могуществом и красотой русских городов – Москвы и гордого Санкт-Петербурга, украшенного классической архитектурой: «В Москве и величественном Петербурге, / Возведены бронзовые памятники; / Образец застилает образец, / По мере того, как огромная колонна возвышается над башнями!» // *In Moscow and in proud Petropolis, / The brazen trophy build; / Cannon on cannon piled, / Till the huge column overtop your towers!* Данный фрагмент позволяет обратить внимание на удивительное пространственное мышление английского поэта. В двух строчках он сумел передать ощущение панорамного обзора архитектурных шедевров «Северной Пальмиры» в процессе воображаемого восхождения на вершину Александринской колонны.

Среди од, посвященных раздумьям о судьбе родины, привлекает особое внимание своим волнующим пафосом, искренностью исповедальной молитвы одическая диалогия «Взывающий голос» (*The Warning Voice*, 1819–20). В первой восьмичастной оде поэт, взывая к Британии, чья всемирная слава обязывает ее быть защитницей свободы и справедливости, обращается к Богу с молитвой об очищении от грехов и пороков, каких предостаточно в его родной стране: «Спаси нас, О Господи! Спаси нас от самих себя!» // *Spare us, O Father! Save us from ourselves!* Вторая ода состоит из 16 частей и написана в жанре видения,

который позволяет автору нарисовать картину родной земли с «горней» высоты, из обители ангелов и творца. Мириады огней в городе предстают перед взором поэта звездами на дне озера, а их шепот похож на голос морских волн, разбивающихся о скалистый берег. Описание ощущений поэта, услышавшего небесный голос, напоминают образы из «Пророка» Пушкина: «Мои глаза открылись, / И мне открылся Незримый Мир. ... Я увидел ангелов вокруг, / снисходящих с небес на землю / По велению закона любви». Слова, которые с трепетом выслушивает поэт, звучат как горестная инвектива в адрес людей и заставляют вспомнить торжественный и грозный слог библейских пророков: «Они имеют глаза, и не хотят видеть! / Они имеют уши, и не хотят слышать! / Они имеют сердца, не желают чувствовать! / Горе народу, который закрывает глаза!...» Поэт молит Творца о прощении и об указании пути к искуплению людских пороков. Ода завершается обращением поэта ко всем народам, континентам и стихиям земного шара с призывом к объединению. Торжественный слог, величавый ритм сменяющих друг друга многосложных и коротких строк в строфах, рисующих видение поэту ангела и небесного мира, сменяются в финале дробными краткосложными строчками, передающими состояние поэта, возвратившегося к яви и обретшего мир и покой в душе. Усмирился ветер, рассеялись облака, сквозь голубое небо проник серебристый лунный свет, что заставило убедиться поэта в том, что голос ангела был услышан: «И я ощутил в моей душе / Что голос Ангела был услышан» // *And I felt in my soul / That the voice of the Angel was heard.*

В жанре жития святого с элементами миракля написана религиозно-мистическая поэма «Все для любви, или грешник спасется» (*All for Love, or A Sinner Well Saved*, 1829), посвященная поэтессе Каролине Баулз (*Caroline Bowles*). Сюжет опирается на историю из жизни святого Василия, в латинской версии написанной кардиналом Урсусом в IX веке. Саути использовал четырехударный стих английской баллады, напоминающий ритмичный и емкий стих «Старого Морехода» Колриджа. В финале поэмы герой озарен светом истины и слышит дважды небесный голос: «Когда видение исчезло, / остался голос во мне, ... / Призывный голос, ... Я слышал его дважды; / Ни звука человеческого рядом» // *When from the vision I awoke, / A voice was in my ear, ... / A waking voice, ... I heard it twice; / No human tongue was near.*

Перу Саути принадлежит также и ряд прозаических произведений, в которых в полной мере проявляется его эрудиция в сфере истории и этнографии разных народов, совершенная манера письма. Это небольшая книга о жизни адмирала Нельсона (*Life of Nelson*), «Книга о Церкви» (*The Book of Church*), «Жизнеописания британских адмиралов» (*The Lives of the British Admirals*), «Жизнь Уэсли, история Бразилии» (*The Life of Wesley, a History of Brazil*), «Пиренейская война» (*Peninsular War*).

Как видно, многогранное творчество Саути, несмотря на порой ортодоксальные политические или религиозные воззрения автора, является выдающимся явлением английского и европейского романтизма, отражает глубину философско-эстетических новаций поэта, преданного гражданским и гуманистическим идеалам поэзии, знание которого необходимо в учебном курсе литературоведов-англистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рогова, А.Г. Эпистолярное наследие Р. Саути / А.Г. Рогова. – СПб.: СПбГУ, 2008.
2. Саркисова, Н.М. Роберт Саути / Н.М. Саркисова // История западноевропейской литературы XIX века. Англия; под ред. Л.В. Сидорченко и И.И. Буровой. – СПб.: Academia, 2004.
3. Кольридж, С.Т. Избранные труды / С.Т. Кольридж. – М.: Искусство, 1987.
4. Southy, R. *The Poetical Works: Collected by Himself. In 10 Vols. In 5 books / R. Southy.* – A facsimile. N.-Y.: Gordian Press, 1965.

Т.Е. Комаровская (Минск, БГУ)

ФЕМИНИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА США: КАКОЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПОЧТЕМ?

Феминистская литературная критика, одна из самых молодых литературоведческих методологий, начала свое бурное развитие в 70-е годы XX века и быстро достигла расцвета, ознаменованного разнообразием подходов к исследованию литературного произведения: марксистский метод, психоанализ, опирающийся не столько на Фрейда, сколько на Лакана, постмодернистский, или французский, феминизм с опорой на лингвистические теории Ф. де Соссюра и деконструктивизм. Оформились собственные *gender studies*, гендерные методологии, широко применяемые при анализе женской литературы.

В 2006 г. на Кипре, под эгидой Кипрского университета проходила международная конференция, организованная Европейской Ассоциацией Американских Исследований на тему «Конформизм, нон-конформизм и антиконформизм в американской культуре». Я принимала участие в работе этой конференции, руководила работой секции, которую сама же и создала, предложив (за год до конференции) тематику ее работы и тщательно отобрав восемь заявок из тридцати. Доклады, прозвучавшие в рамках моей